

—

«Двенадцатый месяц – суетливый, первый месяц – ленивый, а ни то ни сё – одиннадцатый месяц».

В двенадцатом лунном месяце наступает канун Нового года, все заняты уборкой старого и подготовкой праздничных товаров. Первый месяц – это сам Новый год, время ходить по гостям. Так что из всех зимних месяцев одиннадцатый – самый спокойный.

Зерно уже в закромах, сельскохозяйственный сезон закончился, остается только присматривать за скотиной да понемногу вскапывать землю. Впрочем, «спокойный» – понятие относительное. Для крестьянина всегда найдется работа; это не городские жители, которые могут себе позволить целыми днями бездельничать, болтать да развлекаться.

После завтрака Цинь Сяомань принялся рубить траву и варить корм для свиней, а Ду Хэн рядом обжаривал каштаны.

— Каштанов много, может, отнесем немного второму дяде, когда пожарятся? — спросил Ду Хэн. Увидев, что скорлупа стала хрупкой, он начал выгребать их из котла.

— Давай, — согласился Сяомань, подумав, что Ду Хэн неплохо разбирается в правилах приличия. — Тогда ты отнеси их дяде чуть позже, а мне пора в горы.

Ду Хэн опустил глаза и посмотрел на того, кто возился у очага:

— Сегодня опять на гору?

— Угу. Вчера видел, что на нашей горе много валежника. Деревья, поваленные грозами прошлым летом, уже просохли. Надо забрать их, пока погода ясная, а то обидно будет, если другие растащат.

В одиннадцатом месяце, когда дел поменьше, все любят собирать дрова. Общинная гора не такая большая, и на всех валежника не хватает. Зимой дров нужно много, особенно для обогрева углем, поэтому те, кому не хватает своего, начинают заглядываться на чужие частные горы.

Раньше Сяомань думал, что раз гора частная, то никто её не тронет, и не спешил уносить дрова домой. В итоге их не раз воровали. Люди ведь хитрые: днем, когда они якобы собирают дрова на общинной горе, заодно примечают, у кого на частном склоне есть чем поживиться, а ночью возвращаются и уносят.

Ду Хэн слышал о краже зерна или овощей, но о краже дров слышал впервые.

— Ты раньше был молодым господином, тебе таких вещей не понять, — сказал Сяомань. — Хоть дрова и не редкость, кругом их полно, но у каждой пяди земли и каждого леса есть хозяин. Нельзя просто так взять и унести домой то, что увидел. Без дров ни еду приготовить, ни воды согреть, а зимой ими еще и греются. Охапку дров в городе можно продать больше чем за десять вэней.

— За ценными вещами все следят. Наш род Цинь – большой и знатный в деревне, поэтому у нас есть своя гора. Если бы мы полагались только на общинную гору, дров могло бы даже на

готовку не хватить.

— Не у каждой семьи в деревне есть своя земля. Те, кто переехал позже, или беженцы, оставшиеся в деревне, – у них нет своих участков. Если дров не хватает, приходится покупать, а на это нужны деньги. Беднякам такие расходы не по карману, вот и остается только воровать по ночам.

Ду Хэн слушал внимательно. Он слышал, что в эти времена беднякам порой даже после смерти не хватает клочка земли, чтобы упокоиться – куда ни глянь, всё вокруг чужое. Оставалось только вздыхать о том, что у бедных людей нет выхода.

— Дома дров достаточно. Я соберу то, что на нашей горе, и продам подешевле тем односельчанам, кому их не хватает. А если никто не купит, не поленюсь и отвезу в уездный город, — продолжал Сяомань. — На вырученные деньги куплю тебе пару рыбин на суп. И соли дома мало осталось, тоже прихвачу.

Ду Хэн подумал, какой это тяжелый труд, но всё же это был какой-никакой способ заработать деньги, что лучше, чем ничего. На самом деле он и сам хотел заработать. Во-первых, на лечение ноги, а во-вторых, ему было неловко постоянно тратить деньги Сяоманя, но пока идей не было.

— Я хотел попросить тебя сегодня показать мне наши поля, чтобы я мог сам собирать овощи, когда они закончатся дома.

Сяомань повеселел:

— Давай так: когда я буду выходить, ты пойдешь со мной. Сделаем круг, я тебе всё покажу, а потом пойду на гору. Наши поля как раз в той стороне, так что мне не придется делать крюк.

— Хорошо.

Ду Хэн насыпал Сяоманю пол-мешочка каштанов, а в придачу положил два больших красных клубня батата, которые тот сам зарыл в золу очага. Он аккуратно упаковал всё в корзину – это будет обед в горах.

Сначала они отправились с каштанами к дому Цинь Сюна. Сяомань, привыкший к труду, шел легко и быстро. Ду Хэн же впервые вышел со двора, да еще из-за больной ноги шел медленно. Сяоманю приходилось постоянно оборачиваться и ждать его. Путь, который обычно занимал пол-кэ*, растянулся на целый кэ.

[* Кэ (𠄎, Кè) – это единица измерения времени, обозначающая одну сотую часть суток, то есть примерно 14.4 минуты.]

В ясную погоду, когда кто-то есть дома, ворота обычно держали открытыми. В семье Цинь Сюна было много народу: трое взрослых мужчин работали на стороне, поэтому Ли Ваньцзюй и Цинь Сяочжу жили куда спокойнее, чем другие фуланы и геры. Они редко выходили на тяжелые работы и большую часть времени проводили дома.

— Второй дядя, я пришел! — крикнул Сяомань, входя во двор. На голос вышла хозяйка.

— Твоего второго дяди нет дома.

Увидев, что вышла вторая тетка, Сяомань замолчал. Ему не хотелось с ней разговаривать: пара лишних слов – и начнется ссора, которая только отнимет время. А тетка его вечно сидела без дела.

— О, и калека пришел, — Ли Ваньцзюй, увидев молодого человека позади Сяоманя, не удержалась от смешка, заметив, что тот и впрямь хромает.

Ей давно хотелось взглянуть на Ду Хэна, но она была слишком гордой, чтобы зайти к Сяоманю без повода. Однако, разглядев фигуру и лицо Ду Хэна, она невольно поджала губы. Муж говорил ей, что парень видный, но она не ожидала, что он окажется куда красивее даже их деревенского книжника.

Ей стало досадно. Она считала, что Сяоманю с его характером полагается кто-то уродливый и хромой. Но тут же она подумала: ну и что, что он отхватил красавчика? Деревня – не город, здесь лицом сыт не будешь, в деревне ценят тех, кто может обеспечить достаток.

— Какой он калека? Просто нога ранена! — Сяомань вспыхнул от язвительных слов тетки. Видя, как та бесцеремонно разглядывает Ду Хэна, он разозлился еще больше. Выхватив из рук Ду Хэна сверток с каштанами, он сунул его тетке в руки: — Мой муж пожарил каштаны для второго дяди. Берете или нет?

Ли Ваньцзюй взглянула на сверток. Любой нормальный человек после такого грубого тона отказался бы, но она не могла упустить возможность забрать что-то бесплатно. Она тут же прижала сверток к себе:

— Ладно, сойдет твоему второму дяде к вину.

Видя, что дяди нет, Сяомань не стал задерживаться. Взяв Ду Хэна за руку, он сказал:

— Пошли.

За всё это время Ду Хэн не успел вставить ни слова. Он был удивлен: Сяомань был очень близок с Цинь Сюном, но, судя по всему, со второй теткой они совершенно не ладили.

— Сяомань приходил? — Цинь Сяочжу проспал всё утро и только сейчас нехотя выбрался из постели, услышав голоса. Он вообще не собирался вставать, но, услышав, что пришел мужчина Сяоманя, захотел поглазеть. Однако, когда он вышел во двор, те уже ушли.

Он быстро добежал до забора. Сяомань шел впереди, а за ним прихрамывал мужчина. Высокий, статный, но хромота сильно портила впечатление. Сяочжу уже хотел было съязвить, что тот и впрямь калека, как вдруг рассерженный Сяомань поскользнулся. Мужчина быстро подхватил его. Сяочжу мельком увидел его лицо в профиль, и его сердце на мгновение пропустило удар.

Он никогда не видел такого красивого мужчины.

— Иди поешь каштанов, еще горячие и рассыпчатые, — позвала Ли Ваньцзюй. Заметив, как её сын замер у забора, вытянув шею, она подошла к нему: — Ты чего застыл?

Цинь Сяочжу не стал скрывать от матери:

— А этот муж Сяоманя и впрямь хорош собой.

— Вы, молодежь, только на смазливые мордашки и смотрите. Лицом сыт не будешь. Ходит вперевалку, какой от него прок в хозяйстве? Даже не думай о глупостях, — тетка щелкнула сына по лбу. — Искать надо того, кто сможет тебя одеть и накормить, как твой отец.

— Что хорошего в отце? Вечно только и знает, что кулаками махать, — Сяочжу пришел в себя.
— Теперь понятно, почему Сяомань взял хромого. Хоть какой-то толк от него есть.

Ли Ваньцзюй хмыкнула:

— У этого парня взгляд гулящий, не к добру это. Хромой - полбеды, а ну как вылечится? Сразу же бросит этого Сяоманя.

Сяомань и Ду Хэн не слышали этих пересудов. Они шли по грунтовой дороге, встречая односельчан, которые не упускали возможности поглазеть на Ду Хэна и пошутить.

— О, Сяомань, это и есть твой муж, который переехал жить к семье своей жены?

— Надо же, люди болтали, а я не верил. Оказывается, правда.

— Когда свадьба-то? Обязательно позови дядю на вино!

Каждому встречному приходилось что-то отвечать. Сяомань раздражался: задержка в работе - это полбеды, он боялся, что Ду Хэну будет неприятно. Он отваживал соседей парой резких фраз; зная его острый язык и властный характер, никто не решался говорить совсем уж гадости.

— Вот видишь, а ты хотел выйти, — проворчал Сяомань.

Ду Хэн, понимая причину его ворчания, ответил:

— Раз уж я живу в деревне, всё равно рано или поздно со всеми встречусь. Пройдет первое любопытство, и они успокоятся. Нельзя же вечно сидеть дома, прячась от людей.

Сяомань заметил, что Ду Хэн, хоть и был немного изнеженным в быту, в житейских вопросах рассуждал очень здраво. Он добавил:

— Они просто любопытные, на самом деле люди не такие уж злые. Поживешь подольше - за своего принимать станут.

Ду Хэн кивнул.

— Гляди, вон те поля впереди - наши.

У семьи Сяоманя было тридцать му* земли и еще двадцать му заливных полей под рис. Итого - пятьдесят му, что делало их одними из самых крупных землевладельцев в деревне. Ду Хэн слышал, что род Цинь - старейший в этих местах, пустивший глубокие корни и обладающий определенным влиянием, так что обилие земли было закономерным.

[*«Му» (mu) — это мера площади, которая в настоящее время равна примерно 1/15 гектара (667м²), в древние времена могла варьироваться от 225м² до 760 м² в разное время.]

У обычных семей было от десяти до тридцати му. Те, у кого больше тридцати, считались богатыми: после уплаты налогов, если не случится стихийного бедствия, еды хватало с

избытком. Но и земля была разной: были скудные поля, а были плодородные. Один му плодородной земли мог дать урожая как два-три му скудной. Хотя земли у Сяоманя было много, одному ему было не под силу управиться со всем. Без должной вспашки и ухода поля быстро истощались.

Из его пятидесяти му сорок были скудными, и лишь десять — хорошими. В основном Сяомань кормился именно с этих десяти му.

Ду Хэн прошел вслед за ним по участкам. Поля семьи Цинь не лежали одним куском, а были разбросаны по округе, как и у всех: два клена здесь, три там. Сейчас лишь на паре участков росли зимние овощи, остальные пустовали после осеннего сбора.

— Когда закончу с дровами на горе, понемногу начну пахать. В этом году засею на два му зерна больше, — сказал Сяомань Ду Хэну. — Уж тебя-то я голодным точно не оставлю.

Ду Хэн улыбнулся:

— Хорошо.

Сяомань довольно хмыкнул:

— Дорогу запомнил? Возвращайся сам, а я - в горы.

— Иди.

Ду Хэн проводил Сяоманя взглядом, а затем посмотрел на зимние овощи на поле. Кажется, он нашел себе еще одно дело.

—

<http://bllate.org/book/14888/1327099>